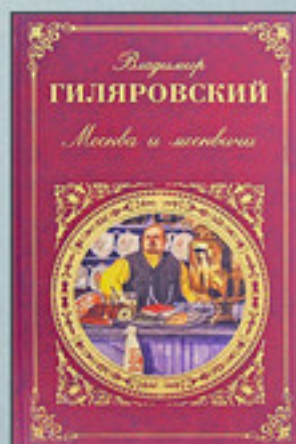

Владимир Гиляровский

«Нечаянная радость»

Часть сборника
Москва и москвичи (сборник)

Друзья и встречи

Владимир Гиляровский
«Нечаянная радость»

«Public Domain»

1926

Гиляровский В. А.

«Нечаянная радость» / В. А. Гиляровский — «Public Domain»,
1926 — (Друзья и встречи)

«Огромный железный замок, каких с тех пор я больше никогда не видал, висел на низенькой, обитой листовым железом двери. А привело меня к этой двери вот что. Это было в половине восьмидесятых годов, в конце сентября. Я работал тогда в «Русских ведомостях» и возвращался с ночного пожара по Малой Бронной. Вижу, с бульварчика Патриарших прудов тропотит мелкими шажками, чуть не бежит, маленький человечек с рыжеватой округлой бородашкой и маленькими «северными» пронзительными глазками, весело глядящими, ничего не видя из-под измятой полястой шляпенки. Одет он был в модную тогда среди небогатой интеллигенции коричневую размахайку-крылатку...»

Владимир Гиляровский «Нечаянная радость»

Огромный железный замок, каких с тех пор я больше никогда не видал, висел на низенькой, обитой листовым железом двери.

А привело меня к этой двери вот что. Это было в половине восьмидесятых годов, в конце сентября. Я работал тогда в «Русских ведомостях» и возвращался с ночного пожара по Малой Бронной. Вижу, с бульварчика Патриарших прудов тропотит мелкими шажками, чуть не бежит, маленький человечек с рыжеватой округлой бороденкой и маленькими «северными» пронзительными глазками, весело глядящими, ничего не видя из-под измятой шляпки. Одет он был в модную тогда среди небогатой интеллигенции коричневую размахайку-крылатку.

– Елпидифор Васильевич, здравствуйте!

– А, Баян, ты откуда такой чумазый?

– С пожара на Живодерке.

– Большой пожар?

– Строчек на пятнадцать... цыганский домишко сгорел.

– А! На-ка, пощупай...

И сует мне из-под крыла своей размахайки пакет с горячими калачами.

– Горяченькие; пойдём ко мне чай пить. Вот моя квартира.

И, потянув меня в ворота, вынул из кармана огромный железный ключ с резной бородкой и плоской, ажурной ручкой.

– Видал такие? В прошлом году настоятель Каменного монастыря на Кубинском озере подарил замочек-то. Петровских времен.

Пока он отпирал этот замочек величиной с кошку и изображавший собой кошку: ручка – хвост во рту, – к нам подошел усатый, солдатского вида, седой дворник. Он поставил к стенке метлу, вытянулся во фронт и шапку «по-николаевски» скинул.

– Чего изволите приказать, ваше превосходительство?

– Опять?! Сколько раз говорил. У меня небось имя есть.

– Ельди... Ельди... Ну, хоть убей... Ваше превосходительство...

– Ладно; вот тебе копейка, беги в трактир за кипятком, чай заварись...

Заиграл какую-то музыку замок, запела дверь, и мы с Елпидифором Васильевичем вошли. Елпидифор Васильевич передал дворнику большой медный чайник, в который сыпнул щепотку чаю из жестяной чайницы с надписью «К. и С. Поповы».

– И на письмах, – обратился ко мне дворник, – им пишут: «Его превосходительству»...

– Ну, ладно, беги за чаем... Да тут около пруда разносчик с грешниками (Гречневики.) стоит, купи у него десяточек, – и дал гривенник и газету на обертку.

– Грешники и Патриарший пруд! Это почище «развесистой» клюквы, думаю...

Квартира Елпидифора Васильевича была в нижнем этаже, с маленькими оконцами, глядевшими из толстенных сводов, как из глубокой ниши. Первая комната, где мы повесили верхнее платье, была прихожая, заваленная связками рукописей чуть не до потолка. Только рядом с дверью висел медный рукомойник над треногой ушастой деревянной лоханью. Рядом с ним серебрилось широкое полотенце, вышитое синим с красным: с одной стороны – красная избушка, по сторонам две елки, а с другой – синий монах в красной лодке и опять две елочки, тоже синие.

– На, умойся! – Подал мне кусок яичного мыла и, указывая на полотенце, сказал: – Этим летом мне монашки в скиту поднесли.

Когда я умылся и вошел в следующую комнату, Елпидифор Васильевич разбирал наваленные на столе бумаги и перекладывал их на соседний стол.

– Очищу место для чая... А ты пойди в те комнаты, погляди на стенах иконы древние.

Комната, в которой накрывался чай, была и столовая, и приемная, и рабочий кабинет. Она сплошь завалена пачками и кипами перевязанных бумаг. По стенам – полки, набитые книгами, то огромными, то крошечными, в древних кожаных переплетах. На одном из четырех столов стояла чернильница, лежали окруженные выцветшими древними рукописями свежие листы начатой работы. Следующая комната – спальня хозяина. На огромном, красного дерева диване – ситцевое одеяло из цветных ситцевых треугольничков. «Наверное, работы таких же монашенков, что и полотенце вышивали!» – подумалось мне. Сверху лежали две подушки, также в вышитых наволочках. По сторонам, между полками книг, висели от пола до потолка древние иконы, рассмотреть которые было невозможно: окна, запыленные, должно быть, никогда не мытые, создавали таинственный полумрак. Слепо выглядывали образа из ниш и почерневших от времени, глубоких толстых сводов. Пахло слегка сыростью, пылью, старой бумагой и еще чем-то. Я узнал чем только в следующей большой комнате. В полумраке (солнце из-за высокого соседнего дома никогда сюда не заглядывало) можно было рассмотреть такие же иконы, сплошь завесившие стены, уложенные на полу книги и связки рукописей. Местами все переплелось паутиной. Я догадался, чем пахло в той комнате: пахло мышами. Рассмотреть ничего нельзя – только из-под толстой, мохнатой, как бы живой пыли неведомые контуры видны. Елпидифор Васильевич вошел и позвал пить чай.

– Вот три года все собираюсь разобраться, да все не удосужусь. Цены нет этому хламу. И вот все новые и новые наслоения. Каждый год с севера привожу... Вот здесь уж законченная работа – «Причитания северного края»... Былины да песни древние. Вот здесь весь угол раскольничий. Тут древний царский быт... А вот театральный уголок! Я, брат, тоже по театру годка два поработал, по истории русского театра до восемнадцатого века... А вот это, где пыли нет, сверху, – «Слово о полку Игореве»... Чудеса! Что за язык... я прямо отдыхаю на этой работе... Как раз сейчас на столе «Игорь» лежит... А вот как-то пришел ко мне один приятель – ты его знаешь, а потому имени не скажу, да и говорит: «Так жить нельзя! Это у тебя не квартира ученого, а лавочка старьевщика!» И с этого слова мне еще дороже стало мое логово и мой хлам. Чуть пошевелишь – золото. Копнешь, а под ним бриллиант. Одно возьмешь, а другое само лезет. Все-то я помню. Этот хлам у меня в голове: закрою глаза и памятью вижу, что там лежит, что как выглядит.

А чай уже сервирован.

На свободном месте стола, рядом с кипой рукописей по «Игорю» стоял большой медный чайник и два стакана на блюдечках, лежали калачи, каленые яйца, вареная колбаса и десяток гречневиков на «Московском листке».

– Еще теплые, подсолнечным маслицем вспыснуты. Аромат! Я их очень люблю. А вот чем я тебя попотчую с чайком. Землячка вот твоя! – И подвинул ко мне глиняную банку с благоуханным поляничным вареньем на меду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.